

СУБЪЕКТОЦЕНТРИСТСКОЕ ОСНОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НАЛОГОВОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ

Авторы статьи, используя педагогический подход к познанию воспитательной функции в налоговом администрировании, как одного из элементов образовательного процесса во взаимоотношениях налоговых органов с налогоплательщиками, впервые обратили внимание на субъектоцентристское основание его реализации.

Проблематика предлагаемой статьи находится на стыке трех отраслей знания. Налоговая этика – одна из них – еще едва формирующаяся как наука, две других – налоговое право и налоговое администрирование – в качестве самостоятельных объектов научного исследования состоялись недавно.

Коллективная управленческая деятельность во всяком демократическом государстве немыслима без доверия между контролируемыми и контролирующими участниками общественных отношений. Одной из основных основ такого доверия является, по нашему глубокому убеждению, безупречное, основанное на нормах морали и права, исполнение профессионального долга государственной администрацией, частью которой является налоговая администрация. Профессиональная деятельность невозможна без соблюдения профессиональной этики: деятельность профессионалов тогда становится общественно полезной, когда она основана на нравственных принципах.

Общеизвестно, к работникам правоохранительных и контрольно-надзорных органов предъявляются повышенные требования морали. Именно с работой правоохранительных и контрольно-надзорных органов прежде всего ассоциируются понятия «гуманизм», «справедливость», «порядочность», «правдивость» и др. И наоборот, исключаются такие понятия, как «целесообразность», «политическое решение», «формально прав», «телефонное право» и др.

Одной из важнейших задач современного налогового администрирования является воспитание законопослушного налогоплательщика¹, уважающего и неукоснительно исполняющего требования налогового зако-

нодательства. Актуализация воспитательного воздействия на налогоплательщика вызвана очередным этапом реформирования отечественного налогового администрирования, одним из приоритетов которого является установление доверительного делового отношения между участниками налоговых отношений на основе уважения взаимных прав, обязанностей и законных интересов.

При таком подходе оценка добросовестности действий (бездействия) распространяется и на контролируемых, и на контролирующих субъектов налогово-правовых отношений.

Решение проблемы воспитания в налоговом администрировании имеет огромное значение для создания предпосылок к сознательному выполнению каждым налогоплательщиком конституционной обязанности «платить законно установленные налоги» (ст. 57). Это связано с тем, что налог – необходимый основной инструмент, поддерживающий существование государства [1, с. 197]. Отсюда вывод: добросовестное выполнение обязанности по уплате налогов является индивидуальным обязательным вкладом налогоплательщика в поддержание социальной сферы и функционирования государственных органов.

Осуществляя правоприменительную практику, налоговая администрация реализует налоговую политику государства по управлению в области налогов и сборов. «В политической деятельности... всегда есть и будет известный элемент педагогики...» [2, с. 257], присущий, заметим, и налоговой политике государства как разновидности политической деятельности.

Процесс воспитания налогоплательщика представляет собой целенаправленный по-

¹ Термин «налогоплательщик» здесь и далее используется в значениях, определяемых в соответствующих статьях Налогового кодекса РФ.

литико-правовой, общественно полезный и непрерывный процесс формирования нравственно-правовой установки на его законопослушное и добросовестное поведение, происходящий в рамках налогового администрирования с одновременным применением кроме специального правового метода еще и педагогических методов [3, с. 13].

Реализация воспитательного воздействия определяется уровнем правосознания и профессиональной грамотности должностных лиц налоговых органов.

Наиболее заметно педагогическое воздействие со стороны должностных лиц налоговых органов выражено в налоговом контрольном производстве, состоящем из камерального контрольного производства (ст. 82, 87-88, 90, п. 2 ст. 92, 93, 95-97, 99, глава 17 НК РФ) и выездного контрольного производства (ст. 82, 87-100, глава 17 НК РФ).

Образовательный процесс здесь определяется факторами объективного и субъективного порядка. К таким основным факторам, по нашему мнению, можно отнести следующие.

Во-первых, образовательный процесс регламентирован нормами налогового процедурного права (в части первой НК РФ), хотя и не так подробно, как в ГПК РФ, УПК РФ, КоАП РФ, АПК РФ.

Во-вторых, педагогические методы применяются должностными лицами налоговых органов в пределах своей компетенции и полномочий в совокупности со специальным правовым методом.

В-третьих, педагогические методы убеждения и принуждения применяются налоговой администрацией в рамках государственного принуждения. При этом налогоплательщику гарантируется возможность действовать в очерченных законом пределах, т.е. налоговые отношения основаны не на подчинении одного участника воле другого, а закону, регламентирующему все аспекты деятельности участников правоотношений.

В-четвертых, воспитательное воздействие ограничено сроком проведения контрольного налогового производства.

В-пятых, учитываются субъективные особенности личности налогоплательщика,

его юридического статуса и характера деятельности.

И, наконец, последнее (но не по значимости): нельзя противопоставлять законность целесообразности и наоборот.

Заметим, реализация воспитательного процесса отнесена к основным функциям территориальных налоговых органов [4, с. 15]. Осуществление данных функций базируется на принципах, проистекающих из цели и природы данного процесса, и представляет собой основополагающие начала (идеи) в регулировании отношений. Перечислим некоторые из принципов образовательного процесса в налоговом администрировании.

Принцип установления и поддержания сугубо служебных отношений с налогоплательщиком.

Принцип целостности процесса воспитания гражданина и налогоплательщика.

Принцип прагматизма (практическая полезность знаний) и индивидуализации (ориентированность на «личность», морально-психические и иные качества налогоплательщиков).

Принцип субъектности образовательного процесса его (публичных и частных) участников на условиях системности, целостности.

Принцип налоговой диагностики (проявляется в анализе налоговыми органами схем ухода от налогообложения, выработке и реализации предложений по их предотвращению).

Принцип освобождения обучаемого (налогоплательщика) от юридической ответственности за действия (бездействие), совершенные им в силу разъяснений обучающего (налоговой администрации)*.

Педагогические методы в воспитательном процессе налогоплательщиков проявляются в особенностях метода налогово-правового регулирования, основными чертами которого являются:

- ограничение законом проявления воли участников налоговых отношений;
- сочетание запретительного и распорядительного типов правового регулирования;
- позитивное обязывание (предписание) субъектов налогового права (реже дозволение) обуславливает реализацию запрета;

* Раскрытие содержания указанных принципов является предметом другого научного исследования авторов.

– юридическое неравенство субъектов налоговых отношений, выраженное в различии содержания правосубъектности.

По нашему мнению, в основу педагогических методов, применяемых должностными

лицами налоговых органов, положен субъектоцентрический подход. В данном случае субъектоцентрический подход представляет собой последовательное отношение обучающего к обучаемому как к личности и со-

Таблица 1. Педагогические и правовые методы налогового контроля

Метод	Правовая основа применения	Виды налогово-процедурных производств	Содержание метода
1. Пояснительно-иллюстративный	- Приказ МНС РФ от 10.08.2004 г. № САЭ-3-27/468 (пункты 1.2.2., 4.1.2.-4.1.4,4.3.3.- 4.4.2.6.)	- по государственной регистрации и учету налогоплательщиков; - по предъявлению требования об уплате налогов.	Налогоплательщики получают необходимые им знания посредством <i>публичного информирования</i> : а) через телефонные справочные службы ГНИ; б) на информационно-методических стендах в ГНИ; в) в ходе участия в тематических семинарах и семинарах по общим вопросам; г) из регулярно обновляемого сайта ФНС России; д) из СМИ, в первую очередь специальных журналов (Налоговый вестник, Налоговые вестники субъектов РФ). Налогоплательщики применяют полученные знания на основе образца или правила. Метод обращен к конкретно неопределенному кругу налогоплательщиков
2. Проблемного обучения	ст.ст. 100,101 НК РФ.	- по назначению и проведению налоговых проверок; - по делам о налоговых правонарушениях.	Применяется при оформлении результатов выездных налоговых проверок и рассмотрении возражений по актам проверок. А также в ходе вынесения руководителем налогового органа (его заместителем) решения по результатам рассмотрения материалов проверки.
3. Принуждения	ст. 57 Конституции РФ. ст. 23; п/п. 1-13 и 15 п. 1 статьи 31 НК РФ.	Все виды налогово-процедурных производств, за исключением претензионно-судебного рассмотрения налоговых споров.	Проявляется в специфике метода правового регулирования налоговых правоотношений, заключающихся в юридическом неравенстве их участников.
4. Убеждения	п. 1 ст. 56; п/п. 3-5 п.1 статьи 21; ст.ст. 64-67, 78, 79 НК РФ.	- по предъявлению требований об уплате налогов; - по взысканию недоимок с налогоплательщиков; - по представлению налоговых отсрочек, рассрочек, налогового кредита, инвестиционного налогового кредита.	Предоставление отдельным категориям налогоплательщиков предусмотренных законом преимуществ (не носящих индивидуального характера) по сравнению с другими налогоплательщиками, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере. Льготы по налогам и сборам не являются поощрением для налогоплательщиков.
5. Поощрения	Ежегодно издаваемые приказы ФНС России и ее Управлениями по субъектам Федерации о проведении конкурса на лучшего налогоплательщика	по назначению и проведению налоговых проверок (преимущественно).	Выдача налоговым органом Диплома (Сертификата) доверия законопослушному налогоплательщику, что влечет благоприятные последствия для него.

знательному субъекту образовательного воздействия, равноправному субъекту налоговых правоотношений.

Для наглядности сведем указанные выше методы в единую таблицу.

В целях теоретического восприятия и осмысления мы излагаем каждый из методов «обособленно». В практической же деятельности все указанные методы используются в единстве, так как задачи налогового контроля объективно не могут решаться при помощи какого-то одного педагогического метода, пусть даже имеющего субъектоцентристскую природу.

Методы воспитательного процесса являются способом управления познавательной деятельностью для разрешения дидактических задач [5, с. 74]. В целях осуществления воспитательного процесса налоговыми органами в налогово-контрольном производстве применяются индивидуальная либо индивидуально-групповая форма обучения.

Эффективность воспитательного процесса достигается поддержанием культуры налогового контроля, которая немыслима без профессиональной грамотности, а также общей и правовой культуры налоговых инспекторов, знающих и способных целеустремленно и настойчиво, своевременно, тактично, вежливо и правильно применять налоговое законодательство при реализации функции налогового контроля. Как справедливо замечено: «Образование связано со знанием и обучением, а воспитание относится к нравственной сфере бытия...», как следствие, «...грамотный человек социально культурен, образованный человек граждански цивилизован» [6, с. 260-261]. При осуществлении налогового контроля его составные элементы: общая и профессиональная культура, законность – составляют единое, взаимно дополняющее друг друга, целое.

Обобщенно культура налогового контроля – это достигнутый и освоенный сотрудниками налоговых органов уровень мастерства в их работе на основе неукоснительного и точного исполнения Налогового кодекса РФ и принятых в соответствии с ним федеральных законов, сообразуясь с нормами морали (нравственности) [7, с. 52].

Культура налогового контроля органично связана с соблюдением законности всеми участниками налоговых отношений.

В статье 33 НК РФ содержатся прямые указания на необходимость безусловного соблюдения требований законности и нравственных начал, обязывающие налоговую администрацию: а) действовать в строгом соответствии с Налоговым кодексом и иными федеральными законами (п. 1); б) корректно и внимательно относиться к налогоплательщикам, их представителям и иным участникам налоговых правоотношений, не унижать их честь и достоинство (п. 3).

Обязанность налоговых органов участвовать в образовательном процессе конкретизируется отдельными нормами НК РФ. На наш взгляд, к ним относятся обязанности: а) проводить разъяснительную работу по применению специального и общего законодательства о налогах и сборах; б) информировать налогоплательщиков о действующих налогах и сборах; в) разъяснять порядок исчисления и уплаты налогов (сборов) и заполнения форм установленной налоговой отчетности (ст. 32 п. 1 п./п. 4 НК РФ).

Обязанность участия налоговых органов в воспитательном процессе обеспечивается правом налогоплательщика требовать от налоговых органов и Минфина России проведения информационно-разъяснительной работы (ст. 21 п.1 п./п. 1 и 2 НК РФ), виды которой предусмотрены НК РФ и ведомственными приказами.

Соотношение информационно-разъяснительных мероприятий и их правовых последствий для налогоплательщика представлено на рис. 1.

Как видно, этическая ценность и правовая справедливость по отношению к налогоплательщику выражаются в освобождении его от ответственности, если он добросовестно следовал установкам обучающего – уполномоченного государственного органа (ст. 111 п. 1 п./п. 3 НК РФ).

В порядке обсуждения выскажем мнение, основанное на анализе норм НК РФ: в этом кодифицированном законе определяющее значение имеют нормы, наполненные субъектоцентристским содержанием,

Рисунок 1. Соотношение информационно-разъяснительных мероприятий и их правовых последствий для налогоплательщика

что определяет необходимость субъектоцентрического подхода к воспитательному процессу.

Признаки такого подхода материализованы в правовых нормах НК РФ, призванных обеспечить законные права и интересы налогоплательщика. К таким нормам-принципам относятся:

– все неустранимые сомнения, противоречия и неясности налогового закона трактуются в пользу налогоплательщика (ст. 3 п. 7);

– права налогоплательщиков обеспечиваются корреспондирующими им обязанностями должностных лиц налоговых и иных уполномоченных органов (ст. 22 п. 2);

– налогоплательщик имеет право не выполнять неправомерные акты и требования налоговых органов и их должностных лиц (ст. 21 п. 1 п./п.11);

– выполнение налогоплательщиком официальных разъяснений по вопросам применения налогового законодательства осво-

бодает его от юридической ответственности (ст. 111 п. 1 п./п. 3);

– недопустимость разглашения налоговой тайны и причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (ст. 102 п. 2, ст. 103);

– презумпция (предположение) налоговой невиновности (недоказанная вина равна доказанной невиновности) (ст. 108 п. 6);

– никто не может быть привлечен повторно к ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения (ст. 108 п. 2);

– налоговые санкции за совершение налогового правонарушения накладываются с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность (ст. 112, ст. 114 п. 3 и п. 4);

– налоговые санкции взыскиваются только в судебном порядке (ст. 114 п. 7).

А также и иные нормы-принципы, содержащиеся в статьях 32 п. 1 п./п. 1; 77 п. 1; 78 п. 1; 79 п. 1; 82 п. 1; 109 НК РФ и других.

Субъектоцентристским содержанием для налогоплательщика пронизан и арбитражно-процессуальный порядок доказывания в налоговых спорах. В этой связи статья 65 АПК РФ предусматривает специальную презумпцию доказывания, в соответствии с которой обязанность доказывания по иску о признании недействительным решения либо действия (бездействия) налогового органа в отношении налогоплательщика возложена на налоговый орган, пусть даже он выступает по делу ответчиком.

Конечно, Налоговый кодекс не безупречен, в нем имеются предписания, сомнительные с позиций нравственности и справедливости, в силу чего они ограничивают реализацию субъектоцентристского подхода в налоговом контроле. Рассмотрим некоторые из них.

Например, в части 2 ст. 89 НК РФ предусмотрено, что 2-месячный срок проведения выездной налоговой проверки включает в себя время фактического нахождения проверяющих на территории налогоплательщика. Сказанное означает, что за пределами территории налогоплательщика его документы можно изучать без ограничения во времени, тогда как финансово-хозяйственная деятельность проверяемого субъекта может быть парализована. Конституционный суд РФ, признав указанную норму, регулиующую сроки и продолжительность выездных налоговых проверок, не противоречащей Конституции РФ, сделал принципиальный важный комментарий: «Наделяя налоговый орган полномочиями действовать властнообязывающим образом в пределах своей компетенции, федеральный законодатель должен соблюдать вытекающие из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8, 17, 34 и 35 требования, в силу которых... ограничение свободы предпринимательской деятельности возможно, только если оно отвечает требованиям справедливости» [8, с. 3214].

Под углом справедливости Конституционный суд РФ рассматривает и действующие принципы налогообложения, констатируя в своем постановлении, что принцип равенства в целях обеспечения регулирования налогообложения «требует учета фактической способности к уплате налога, исходя из пра-

вовых принципов соразмерности и справедливости». Справедливость заключается в том, что общий объем налоговых платежей не должен превышать возможностей налогоплательщика [9, с. 1602].

Другой пример, пункт 2 ст. 94 НК РФ запрещает производить выемку документов и предметов в ночное время. Трудно понять логику законодателя, когда он текстуально не распространяет подобный запрет на такие действия налоговой администрации, как доступ на территорию налогоплательщика (ст. 91); их осмотр (ст. 92); допрос свидетеля (ст. 90); вызов в налоговый орган для дачи пояснений (ст. 31 п. 1 п./п. 4).

Или, например, юридические составы отдельных правонарушений сформулированы недостаточно обособленно, что на практике влечет необоснованное применение одновременного наказания дважды за одно и то же. Типичный пример правового и нравственного нигилизма, когда за одно и то же неправомерное деяние налоговые органы применяют к налогоплательщику одновременно два наказания, – по пункту 1 ст. 122 и пунктам 1 и 3 ст. 120 НК РФ, и это несмотря на известный им запрет Конституционного суда РФ, установившего: положения пунктов 1 и 3 статьи 120 и пункта 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации, «определяющие недостаточно разграниченные между собой составы налоговых правонарушений, не могут применяться одновременно в качестве основания привлечения к ответственности за совершение одних и тех же неправомерных действий...» [10, с. 1602].

Неконкретные и непонятные нормы закона, как видно, допускают различное их толкование и создают условия для произвола [11, с. 87], но только тогда, добавим от себя, когда нравственные ориентиры налоговой администрации смещены либо занижены.

Последствия невыполнения правовых и нравственных установок прямо называются в Налоговом кодексе. Так, в пункте 6 ст. 101 указано, что несоблюдение должностными лицами налоговых органов правил производства по делу о налоговом правонарушении может являться основанием для отмены решения налогового органа вышестоящим налоговым органом либо судом.

На практике нравственно-правовой нигилизм налоговой администрации при реа-

лизации полномочий по привлечению виновных лиц к налоговой и административной ответственности устойчиво проявляется в одних и тех же типичных ситуациях:

А. При квалификации правонарушения не полностью либо неточно указывается правовая норма, предусматривающая ответственность за совершенное деяние (например, указывается статья без ссылки на ее часть, пункт, подпункт), т.е. применяется не правильная квалификация.

Б. Несоответствие описания составов правонарушений и фактических обстоятельств в протоколе (акте) и постановлении (решении).

В. Отсутствие в названных процессуальных документах доводов в обоснование вменяемых налогоплательщику (иному лицу) в вину квалифицирующих признаков конкретного правонарушения.

Г. В описательной части протоколов (актов проверок) противоправные деяния описываются обезличенно с употреблением глагола неопределенного времени, без указания места и времени его совершения.

Д. Из описания правонарушения в постановлении (решении) не вытекает безоговорочно, что именно подвергшееся наказанию лицо (а не другое) совершило вменяемое ему в вину правонарушение.

Е. Привлечение к налоговой и административной ответственности ненадлежащих лиц.

Ж. Формальное изучение личности правонарушителя, без учета обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность.

З. Отсутствие обоснования применения к конкретному правонарушению конкретного вида и размера налогового штрафа и административного взыскания в пределах санкции.

И. Отсутствие обоснования прекращения дела производством.

Названные и другие ошибки и упущения допускаются должностными лицами налоговых органов на всех условных стадиях правоприменительного процесса, во время: а) установления фактических обстоятельств; б) установления юридических обстоятельств; в) разрешения дела.

Сказанное не умаляет значимости воздействия субъектоцентрического подхода в ходе налогового администрирования. Наоборот, только субъектоцентрический подход в налоговом администрировании способствует справедливому и беспристрастному разрешению дела, обеспечивает сторонам равные процедурные права для отстаивания своих законных позиций, служит дидактической основой обязательных правовых, моральных, культурных и образовательных стандартов.

Список использованной литературы:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.1996 №20-П по делу о проверке конституционности п. 2 и 3 части первой ст. 11 Закона РФ от 24.06.1993 №5238-1 «О федеральных органах налоговой полиции» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1997. – №1.
2. Ленин В.И. О смешении политики с педагогикой. – М.: Государственное издательство политической литературы 1960. – Т. 10.
3. Кузнецов В.П., Максименко Е.И. Воспитательной функции в налоговом администрировании быть! // *Налоги и налогообложение*. – 2005. – №12.
4. Об утверждении Положения об Управлении МНС России по субъекту Российской Федерации. – Приказ Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 12.06.2004г. №СА3-3-15/382@ // *Российская газета*. – 2004. – №164.
5. Педагогика и психология высшей школы. Серия «Учебники, учебные пособия». – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.
6. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988.
7. Кузнецов В.П. Недостаток культуры как мотив нарушения законности в налоговом контроле // *Консультант*. – 2002. – №8.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 г. №14-П. – По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 26.07.2004 г., №30.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 г. №5-П. – По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 31.03.1997 г., №13.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2001 г. №6-0. – По запросу Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 120 и пункта 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 05.03.2001 г., №10.
11. Пепеляев С.Г. Определение наказаний за налоговые правонарушения // *Финансовые и бухгалтерские консультации*. – 1999. – №10.

Статья рекомендована к публикации 27.04.06

ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ ГОРОДА И НАЧАЛО ЦИВИЛИЗАЦИИ

Важнейшим признаком цивилизации является наличие городов. Возникновение города по существу датирует время появления цивилизации. В данной статье рассматривается происхождение древнерусских городов в контексте формирования цивилизации у восточных славян¹.

Проблема возникновения древнейших русских городов до сих пор вызывает споры. В.О. Ключевский считал, что города на Руси возникли вследствие успехов восточной торговли славян, как пункты склада и отправления русского вывоза [1, с. 107; 2, с. 22]. В советское время против этой версии выступил М.Н. Тихомиров. «Торговля, – писал он, – не вызывала города к жизни..., но она создала условия для выделения из них наиболее крупных и богатых» [3, с. 63]. По его мнению, настоящей силой, вызывавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики и феодализма – в области общественных отношений [3, с. 64]. Конкретные пути появления городов представлялись советским историкам достаточно разнообразными. По убеждению Н.Н. Воронина, города на Руси строились на основе торгово-ремесленных поселений, феодальных замков или княжеских крепостей [4, с. 16]. С ним, в той или иной степени, согласились Е.И. Горюнова, М.Г. Рабинович, В.Т. Пашуто, А.В. Куза, В.В. Седов и другие [4, с. 16-18; 5, с. 6]. М.Ю. Брайчевский выделяет одну из перечисленных возможностей. Большинство городов, с его точки зрения, возникло вокруг раннефеодальных крепостей-замков [4, с. 15]. В.Л. Янин и М.Х. Алешковский полагают, что древнерусский город развился «не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а из административных вечевых центров сельских округ, мест концентрирования дани и ее сборщиков» [6, с. 61]. В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко считают, что города на Руси конца IX-X в. строились на родоплеменной основе [7, с. 707]. По их мнению, они возникли в результате образования племенных союзов, как жизненно необходи-

мые органы, координирующие и направляющие их деятельность [8, с. 217].

Современные исследования Киевской Руси показывают, что развитый древнерусский город представлял собой полисную (землевладельческую) общину [9, с. 80; 10, с. 75, 77-79]. Появление городской общины теоретически может происходить двумя основными способами: путем слияния нескольких разноплеменных родовых общин и в результате концентрации племени в одном месте – племенном центре. Русская летопись оставила нам некоторые данные, на основе которых можно выяснить, как именно сложились первые городские общины на Руси.

Согласно летописной версии событий, в 882 году князь Олег захватил Киев, убил княживших там Аскольда и Дира и решил остаться здесь навсегда. Повесть временных лет говорит об этом следующим образом: «*И седе Олегъ княжа въ Киеве и речъ. Олегъ «Се буди мати градомъ рускими». И беша оу него, – продолжает летописец, – Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью»* [11, стб. 23]. Под «прочими» здесь скрываются **поляне**. Их можно считать основой киевской общины. О полянах летописец пишет далее так: «*Поляне яже ныне зовомая Русь»* [11, стб. 25-26]. К ним примыкают другие, неназванные участники похода: чудь, меря и кривичи [11, стб. 22, 24]. Получается, что **Киевская община возникла в результате объединения представителей разноплеменных родов**. Явление это хорошо известно и называется обычно «синойкизмом».

Выражение «мать городов русских» принято считать калькой с греческого «метрополия». Традиционно его объясняют как объявление Киева столицей Руси. Так писал еще М.В. Ломоносов: «По смерти ихъ [Аскольда и Дира] сель Олегъ на княжении въ Киеве, и нарекъ

¹ Иные аспекты формирования древнерусской цивилизации и роль Киева в данном процессе см.: Поляков А. Н. Образование древнерусской цивилизации // Вопросы истории. 2005. №3.

столицею всехъ городовъ, обладаемыхъ россами» [12, с. 61]. То же самое встречаем и в современных трудах. А.П. Новосельцев пишет: «Олег, захватив Киев, сделал его столицей («матерью городов русских»)…» [13, с. 14]. Н.Ф. Котляр: «Русский Север был объединен с русским же Югом, а Киев провозглашен столицей уже Древнерусского государства – в уста Олега летописец вложил знаменательные слова: «Се буди мати градом русьским»» [14, с. 48-49]. Данные археологических раскопок показывают, что в это время трудно найти хоть один настоящий город. Славянские племена, в том числе и поляне, в конце IX века жили первобытным образом, как пишет летописец «съ своимъ родомъ» [11, стб. 9]. Упомянутые в летописи Новгород, Киев и некоторые другие города, как выяснилось в результате раскопок, либо вообще не существовали в то время, либо представляли собой обычные племенные центры или крепости.

На мой взгляд, слова летописца надлежит понимать иначе. Действительно, греческое слово «metropolis» (от meter – мать и polis – город) переводится как «мать городов». Но основной его смысл: «город – основатель другого города», а не «столица». Поэтому выражение «мать городов русских», вложенное в уста Вещего Олега, может означать, что Киеву предрекается судьба **основателя всех русских городов**. Именно Киев называется автором Повести местом, где зарождается Русская земля. Вспомним следующую за словами Олега фразу: «*Варязи и Словени и прочи прозвашиа Русью*» [11, стб. 23]. В свое время этому факту удивлялся С.М. Соловьев. «Любопытно, – писал он, – что, по смыслу этого известия, варяги и славяне прозываются Русью только по утверждению в Киеве» [15, с. 347]. Думаю, именно это и хотел сказать летописец. «*Се повести времяньных лет откуда есть пошла руская зем[л]я. кто въ Киеве нача первее княжит откуда руская земля стала есть*» [11, стб. 1]. Вплоть до рассказа о походе Олега на Киев автор Повести последовательно отвечает на эти вопросы: Русь свое название получила от варягов, которых привел Рюрик по просьбе словен, кривичей и прочих северных племен; Киев был основан Кием и его братьями, которые княжили в земле полян, ныне называемой Русью; поляне стали назы-

ваться Русью при Олеге, когда он пришел в Киев вместе с варягами, словенами, кривичами, мерью и чудью. Следовательно, автор Повести временных лет **считает Киев первым городом, с которого начинается Русь, а основателем киевской общины называет Олега**.

Киевский книжник, излагая свою версию появления русских городов, спорит с новгородским летописцем. По новгородской версии, первым **русским** городом был Новгород, а не Киев. Вот как он начинает свою летопись: «*Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на последнее время, и грады почаша бивати по местом, прежде новгородчкая волость и потом киевская...*» [16, с. 103]. В этом контексте становится понятным, почему новгородский летописец называет Олега воеводой Игоря и всегда представляет дело так, будто Олег ходит у него в услужении, а киевский пишет наоборот [11, стб. 22, 23, 29; 16, с. 107, 109]. Вопрос о положении Олега – это вопрос о первенстве городов: Киева и Новгорода. Олег почитался в Киеве основателем Русской земли – Киевской городской общины, возможно, даже существовал его культ [17, с. 123]. А если он не князь, а воевода Игоря, который был сыном Рюрика, призванного новгородцами, – ясно, что Новгород старше, чем Киев.

Однако в этом споре прав киевский летописец. Судя по археологическим раскопкам, Киев стал городом раньше Новгорода – в конце IX или начале X века, а Новгород – к середине X столетия. **Киев** возник на месте гнезда славянских поселений, располагавшихся в VII-IX вв. на Старокиевской горе и ее склонах, горах Киселевке, Детинке, Щековице и на Подоле. Поселения перемежались пустыми пространствами, пашнями и могильниками. Древнейшее городище располагалось на северо-западе Старокиевской горы [18, с. 67]. По мнению Б.А. Рыбакова, оно датируется концом V – нач. VI в. [19, с. 36] В конце IX века бурно развивается киевский Подол, здесь появляется дворовая застройка и уличная планировка [19, с. 67; 20, с. 239].

Новгород, по всей видимости, был основан в первой половине X столетия. В.Л. Янин, после многолетних раскопок города, пришел к

выводу, что до середины X века на его месте находился ряд боярских хуторов, отделенных друг от друга пустыми пространствами. Облик города Новгород приобрел «только в середине X столетия, когда повсеместно началось сооружение уличных деревянных мостовых, возникла усадебная уличная планировка, появились дренажи» [21, с. 277]. Новгородский детинец, считает он и его сторонники, был построен как «укрепленный общественный центр находящихся за его пределами поселений» [6, с. 40]. Сведения о строительстве новгородской крепости противоречивы. Если под летописным строительством Новгорода понимать возведение укреплений детинца, получится, что первоначально крепость была построена пришедшими в эти места словенями: «Словени же седоша около озера Ильмеря [и] прозвашася своимъ имянемъ и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ» [11, стб. 6]. Затем свои укрепления поставил здесь Рюрик: «...и пришед къ Ильмерю [Рюрик]. и срубил город надъ Волховом и прозваша и Новъгородъ» [23, стб. 14]. Наконец, в 1044 году Новгород заложил Владимир, сын Ярослава Мудрого: «...на весну же Володимиръ заложил Новъгород и дела его» [16, с. 181]. Вполне вероятно, что достоверны все три известия, только относятся к разным крепостям. Словенский Новгород – родовой поселок или племенной центр. Местоположение его неизвестно. Новгород Рюрика многие соотносят с «Рюриковым городищем», расположенным в 2-х км от города. «В древности, – пишет И.В. Дубов, – территория Городища являлась островом, который омывался реками Волховом, Волховцом и Жилотугом» [23, с. 47]. Раскопки показали, что поселение здесь существовало уже в середине IX века. Наряду со славянами, которые строили деревянные срубы и оставили после себя лепную посуду и втульчатые наконечники стрел, здесь обитало какое-то число скандинавов. Скандинавский след представлен гривнами с привесками в виде молоточков Тора, равноплечными и скорлупообразными фибулами, игральными шашками, подвесками с руническими заклинаниями и т.п. [23, с. 48, 49] Не исключено, что и словенский Новгород стоял на этом же месте, а Рюрик только обновил обветшавшую крепость. К известному ныне новгородскому детинцу относится толь-

ко последнее сообщение. Оно подтверждено археологическими раскопками. Новгород Владимира Ярославича – древнейший детинец, который занимал северо-западную часть современного детинца и включал Софийский собор и епископский двор [6, с. 37]. В.Л. Янин и М.Х. Алешковский считают, что на месте Софийского собора раньше находилось языческое капище, т.е. эта часть детинца и в дохристианские времена была центром окружавших его боярских хуторов. Вероятно, здесь стоял и древний детинец, сообщение о котором не сохранилось, но его существование можно допустить, если иметь в виду, что Новгород уже в середине X века представлял собой сложившийся город. Первая крепость-детинец могла быть поставлена на этом месте при Олеге, в крайнем случае при Игоре. Первоначально новгородцы – часть киевской городской общины. Это следует уже из того, что Константин Багрянородный называет Новгород «внешней Росией» и указывает, что в нем сидел Святослав, сын киевского князя Игоря: «...приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются ...из Немограда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии» [24, с. 45]. Следовательно, Новгород в середине X века часть «Росии» – Русской земли. По греческим меркам, типичная колония (апойкия).

Любопытный текст находим у новгородского летописца. Рассказывая о судьбе Руси после крещения, он замечает: «И разделши землю [после смерти Ярослава Мудрого], и взя болиши Изяславъ Киевъ и Новъгород и инии города многи киевскыя во пределех» [16, с. 160]. Наверное, летописец меньше всего хотел причислить Новгород ко «многим киевским городам», хотя его выражение можно понять и так. И все же, сохранение Новгорода в руках самого Киевского князя свидетельствует не только о значении этого города для Киева, но и о тесных связях двух русских центров.

О единстве Киева и Новгорода X века говорят сообщения летописи о даях, установленных Олегом, а затем Ольгой, оброках, ловищах и знаменьях киевских князей в новгородской земле. Дело не в самой дани. Ее, как известно, «свои» не платили – это удел покоренных племен, «свои» давали князю дар. А

речь идет именно о дани: «*Се же Олегъ... оустави дани Словеномъ Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лет[о] мира деля еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ*» [11, стб. 23-24]. Слова эти обычно никакого смущения не вызывали. Трактовали их как свидетельство объединения Новгорода и Киева в единое государство, будто Олег действовал здесь «не как завоеватель, а как государственный деятель, определяющий повинности и обязанности своих подданных» [25, с. 226]. Обращалось внимание на слово «устави», употребленное здесь вместо «возложи», применявшееся, когда речь шла о покоренных племенах. Станным это сообщение казалось В.А. Пархоменко, который недоумевал, почему князь, пришедший из Новгорода в Киев, заставляет победителей платить дань [26, с. 81]. И.Я. Фроянов полагает, что речь здесь «идет о даянях, предназначенных словенам и варягам» [17, с. 116]. По его мнению, «Олег повелел выдать дань тем представителям северных племен, которые приняли участие в походе на Киев и обеспечили ему победу... То была... – отмечает он, – единовременная дань или «окуп», контрибуция» [17, с. 117]. Однако из такого объяснения вытекает новая странность: кого Олег заставляет платить дань словенам и варягам? Самого себя? Ведь «Олег – Киев – поляне – Русь» составляют в словаре летописца нерасторжимое единство, так что, когда он пишет об Олеге, часто подразумевает Киев, а вместе с ним полян и Русскую землю. Не заметить этого сложно.

Смысл известия в том, что дань платят словене вместе с кривичами и мерью, а не Киев и не поляне; платят ради мира варягам, а не Киеву, и это подчеркнуто дважды: «...*Варягомъ дань даяти от Новагорода... мира деля, еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ*» [11, стб. 24]. Олег установил словенам и прочим давать варягам 300 гривен, чтобы предотвращать набеги на Русь, и это делали новгородцы вплоть до 1054 года, если верить летописцу. Слово «устави», употребленное здесь вместо обычного «возложи», надо понимать в том смысле, что Олег обозначил размер откупа. Это место в летописи действительно можно рассматривать как распоряжение князя по отношению к своим людям. Здесь он представ-

ляется, так сказать, политическим деятелем, а не завоевателем. Нам это важно как свидетельство **единства** киевской и новгородской общин в X столетии.

То же самое следует из рассказа о поездке княгини Ольги в Новгородскую землю: «*Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани [и] ловища ея суть по всеи земли. знамянья и моста и повосты и сани ее стоять въ Плескове и до сего дне...*» [11, стб. 60]. И.Я. Фроянов признает, что здесь «проглядывает зависимое положение Новгорода от киевских властителей» [17, с. 128]. Однако дань Ольга собирала не с новгородцев, а, как он справедливо подчеркивает, «с иноязычных племен – води, которые жили по Луге, и веси, сидевшей по Мсте» [17, с. 128]. Поэтому говорить следует не о зависимости Новгорода от Киева, а о политическом единстве этих городов.

Весь X век новгородцы принимали это как должное. В 970 году они просили Святослава отправить к ним своего сына Владимира: «...*придоша людье Ноугородьстии просяще князя собе аще не поидете к намъ то налеземъ князя собе*» [11, стб. 69]. Новгородцы, согласно данному тексту, хотели, чтобы у них сидел сын Киевского князя, то есть они считали себя частью Киевской общины. В Киев новгородцы отправляли не 300 гривен, а 2000. Это была дань, получаемая Новгородом с зависимых племен и смердов и отправляемая «материнской» общине. В начале XI века они стали тяготиться этим, желая все оставлять у себя. Князь Ярослав тогда прекратил отправлять дань, что чуть не привело к войне с Киевом.

Ладога, судя по археологическим данным, возникла в то же время, что и Киев. Это единственно возможное место, куда мог прийти легендарный Рюрик и откуда мог двинуться в поход на Киев Вещий Олег. О призвании Рюрика в Ладогу, а не Новгород говорится в Ипатьевской летописи: «...*и придоша къ Словеномъ первее. и срубшиа город Ладогу. и седе старешиши в Ладозе Рюрик...*» [22, стб. 14]. Подобные сведения есть также в Радзивилловской летописи [11, Прим. 38 к стб. 20]. Новгородская Первая летопись о Ладоге упоминает только под 922 годом, когда, по сведениям новгородского летописца, Олег «*иде... к Но-*

вугороду, и оттуда в Ладугу... и уклону змиа в ногу, и с того умре» [16, с. 109]. В Лаврентьевской летописи Ладога впервые упоминается еще позднее, под 1254 годом [11, стб. 473].

Археологические раскопки показали, что Ладога как поселение возникает в середине VIII века, но в то время наряду со славянами здесь жили балты, финны и скандинавы [18, с. 88]. Археологи обнаруживают и славянские квадратные срубы с печью в углу, и большие дома скандинавов [23, с. 210]. Славяне стали преобладать здесь только в X веке [18, с. 89]. Первая крепость в Ладоге построена на рубеже IX-X веков. После этого Ладога становится городом. «Появляются первые улицы, вытянувшиеся вдоль берега Волхова» [18, с. 89] и дворово-усадебная застройка, типичная для древнерусских городов.

Вероятно, Рюрик пришел в Ладогу, когда это была международная торговая фактория. Тут и остался. Олег покинул ее вместе со своей военной общиной, когда Ладога еще не представляла собой единого организма. И только при непосредственном его участии она приобретает городские черты. Скорее всего, именно Олег строит здесь каменную крепость, датируемую археологами концом IX – началом X века, ставшую первым шагом к славянскому преобладанию. Видимо, Олег и его наследники брали торговый путь «из варяг в греки» под свой контроль – в этом заключается смысл укрепления самого северного пункта данной торговой системы (Ладога) и наиболее южного (Киев), при постоянном стремлении продвинуться еще южнее. В X веке Киевская община настойчиво стремилась освоить восточнославянские земли, отстраивая крепости в наиболее важных местах. Древнейшие русские города обеспечивали господство первой городской общины в землях восточных славян. Кроме ладожской крепости и Новгорода к древнейшим киевским колониям следует отнести Полоцк и Чернигов.

Полоцк впервые упоминается в Повести временных лет под 862 годом в числе городов, подвластных Рюрику [11, стб. 20]. Есть он и в списке русских городов, которым предназначалась греческая дань, взятая Олегом в 907 году [11, стб. 31]. Под 980 годом в летописи гово-

рится о первом полоцком князе Рогволоде, якобы пришедшем из-за моря [11, стб. 76].

Системное археологическое изучение города началось в советское время. Здесь вели раскопки А.Н. Лявданский, М.К. Каргер, П.А. Раппопорт и другие [18, с. 79–80]. По археологическим данным первоначальное поселение в Полоцке возникло в IX веке на правом берегу р. Полоты. Древнейшие славянские напластования датируются X веком. Детинец в устье реки Полоты сооружается во второй половине X века. Он и стал центром будущего города. Городские черты Полоцк приобретает в конце X – начале XI века, когда распространяется дворово-уличная застройка и строятся мостовые. Можно думать, что Полоцк был основан на месте славянского поселения (точнее, рядом) для осуществления контроля торгового пути «из варяг в арабы» (как выражается И.В. Дубов), проходившего из Балтийского моря по Западной Двине, через волок по Волге в Каспийское море.

Чернигов впервые упоминается в летописи под 907 годом, в числе русских городов – получателей греческой дани [11, стб. 31]. Константин Багрянородный говорит о Чернигове как об одной из русских крепостей, откуда приходят в Константинополь славянские однодревки [24, с. 45]. Первое событие, связанное с городом, датируется 1024 годом. Тогда князь Мстислав Владимирович, не принятый в Киеве, «сиде на столе Чернигове» [11, стб. 147].

Город давно привлекает внимание исследователей. Массовые раскопки черниговских курганов осуществлял в 70-е годы XIX века Д.Я. Самоквасов. Детинец изучал Б.А. Рыбаков. Архитектурные памятники исследовали Н.В. Холостенко и П.Д. Барановский. К истории Чернигова обращались П.В. Голубовский, Д.И. Багaley, М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов, В.В. Мавродин, А.К. Зайцев, М.Ю. Брайчевский, А.В. Куза и другие.

Археологические раскопки показали, что на территории Чернигова в VIII–IX веках существовало несколько поселений Роменской культуры, традиционно связываемой с племенами северян [27, с. 25–26]. В конце IX века они прекращают свое существование в результате военного разгрома [28, с. 98]. Их место занимают памятники древнерусского типа.

Первые укрепления в районе черниговского детинца, по всей видимости, были сооружены в начале X века (точных данных на этот счет нет). Считается, что в 80–90-е годы X века детинец был заново отстроен князем Владимиром. Как и Полоцк, городской характер Чернигов приобретает, видимо, в начале XI века. Город должен был контролировать движение по Десне и выход к торговому пути «из варяг в греки», соединяя его через Угру и Оку с Волжским путем.

Чернигов нельзя считать северянским центром. Это был киевский город-колония. Центром северян был **Новгород-Северский**. На его месте во второй половине X века находилось роменское городище и селище общей площадью 20 га [29, с. 49]. В начале XI века, по всей видимости, в 1015 году*, роменское (северянское) поселение было уничтожено. После этого здесь сразу же строятся новые укрепления на Замковой горе. Данная крепость и стала детинцем будущего города, бурное развитие которого приходится на XII век. Между Новгородом-Северским и Черниговом существовала устойчивая граница-межа, известная по археологическим данным X века и письменным источникам XII, XIII и XVI веков. Она проходила по реке Убедь до Радогоща. Недалеко от нее, около поселка Макошино на черниговской стороне, стоял город Хоробр, где в 1153 году Северский князь Святослав Олегович заключил мир с Черниговским князем Изяславом Давидовичем.

К числу первых киевских крепостей относятся Вышгород и Псков. В **Вышгороде** непо потревоженных отложений X века нет, имеются только отдельные находки [18, с. 68]. Поэтому говорить однозначно о существовании вышгородской крепости в X веке трудно, хотя, скорее всего, она существовала. В **Пскове** первые укрепления относятся к началу X века, но городом поселение становится только в XI столетии [18, с. 88].

В конце X века Владимир Святославич строит ряд крепостей вблизи Киева, для защиты его от печенежских набегов. Среди них были **Белгород** и **Переяславль**. Под 988 годом летописец сообщает: «...и речь *Володимерь*.

*се не добро еже малъ городъ около Киева. и нача ставити городы по Десне и по Востри. и по Трубешеву и по Суле. и по Стугне. и поча нарубати муже лучшии от Словень и от Кривичъ и от Чюди. и от Вятчъ и от сихъ насели грады бе бо рать от Печен[e]гъ...» [11, стб. 121]. Под 991 годом стоит отдельное известие о строительстве Белгорода: «*Володимеръ заложи градъ Бельгородъ. и наруби въ не от инехъ городовъ. и много людии сведе во нь. бе бо любя градъ съ*» [11, стб. 122]. Под 992 годом говорится о закладке Переяславля: «*Володимеръ же радъ бывъ заложи городъ на броте томъ и наре и Переяславль зане переяславу отроко ть*» [11, стб. 123–124].*

Археологические раскопки подтвердили сведения летописи. Белгород был построен на месте славянского городища (площадью 8,5 га), располагавшегося на мысу, образованном оврагом и берегом р. Ирпень. По данным раскопок, в конце X века здесь были построены укрепления детинца (12,5 га) и первого окольного города. Валы города имели внутренние срубные конструкции и мощную кладку из сырцового кирпича [18, с. 67]. Древнейшие укрепления Переяславля также относятся к концу X века [18, с. 70].

Сообщение летописи о строительстве Белгорода и сведения, стоящие под 988 годом, позволяют выяснить, как именно создавал свои колонии Киев. Согласно летописи, Владимир «**наруби**», т.е. **собрал, набрал**, людей в Белгород **из иных городов**. То же самое он делал и при заселении других, безымянных городов, о постройке которых сообщается в статье 988 года. Следовательно, Владимир **соединял в одну городскую общину представителей различных племен и родов**, т.е. искусственно делал то, что раньше само собой случилось в Киеве. Перед нами самый настоящий **принудительный синойкизм**, подобный тому, что устраивали Селевкиды в своем царстве более чем за тысячу лет до этого [30, с. 138, 139].

Сведения летописей о других древнейших русских городах подтверждения в результате археологических раскопок не получили. Первые укрепления **Смоленска** (уп. под 882 г.) датируются археологами рубежом XI–XII веков.

* Подробнее об этом см.: Поляков А.Н. В граде Игоре: Новгород-Северский в конце X – начале XIII веков. СПб., 2001. С. 55–57.

Заселение подола относится к середине XI века [18, с. 81, 82]. Правда, древнерусскому Смоленску предшествовало Гнездово X–XI веков. *Беллозеро* (уп. под 862 г.) в X веке – поселок веси. Славянским городом он становится только в XII столетии [18, с. 89]. Укрепления *Изборска* (уп. под 862 г.) были сооружены на рубеже X–XI веков, но поселение здесь известно еще с VIII века [23, с. 42, 44, 45]. *Ростов* (уп. под 862 г.) по археологическим данным появляется не ранее XI века, однако ему предшествует Сарское городище IX–X веков [23, с. 33–48, 59]. Древнейшие напластования *Турова* (уп. под 980 г.) относятся к рубежу X–XI веков, а укрепления города были сооружены не ранее XI столетия [18, с. 78]. Укрепления *Любеча* (уп. под 882 г.) были построены также в XI веке [18, с. 95]. Помимо названных городов известен Перемышль, де-

тинец которого, как показали раскопки, был сооружен в X веке, а в XI – был укреплен окольный град [18, с. 75]. Однако, неясно, имеет ли он отношение к деятельности Киевской общины. Судя по летописи, впервые городом овладел Владимир Святославич [11, стб. 81].

Таким образом, становление русской цивилизации начинается со времени образования городской общины Киева в начале X века. За первые сто лет Киев вовлекает в свою орбиту практически все восточнославянские племена. Для обеспечения своего господства киевляне строят крепости, заселяя их представителями различных славянских племен. Так возникают новые городские общины: Ладоги, Новгорода, Полоцка и Чернигова. Киевская Русь вступает в полосу бурного роста, а затем расцвета.

Список использованной литературы:

1. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1995. Кн. 1.
2. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902.
3. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
4. Дубов И.В. Города, величием сияющие. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985.
5. Седов В.В. Начало городов на Руси // Тезисы докладов Советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука, 1985.
6. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. №2.
7. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. М.: Издательский Дом «Парад», 2001.
8. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство / Под ред. Г.Л. Курбатова и др. Л., 1986.
9. Поляков А.Н. Образование древнерусской цивилизации // Вопросы истории. 2005. №3.
10. Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя // Вопросы истории. 2006. №9.
11. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1997.
12. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб., 1766.
13. Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. №2/3.
14. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб: «Алетейя», 1998.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Русь изначальная. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. Кн. 1. Т. 1 – 2.
16. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: «Языки русской культуры», 2000.
17. Фроянов И.Я. Мязежный Новгород. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1992.
18. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: «Наука», 1985.
19. Рыбаков Б.А. Город Кия // Вопросы истории. 1980. №5.
20. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985.
21. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. 3-е изд. М.: «Языки русской культуры», 1998.
22. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 1998.
23. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990.
24. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
25. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
26. Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. Л., 1924.
27. Коваленко В.П. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX – XIII вв. Киев: Наукова думка, 1988.
28. Григорьев А.В. О границе Руси и северы в Подесень // Сов яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів: Сіверянська думка, 1993.
29. Поляков А.Н. В граде Игоре: Новгород-Северский в конце X – начале XIII веков. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2001.
30. Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1984.

Статья рекомендована к публикации 27.02.07